

Семейная идентичность женщин, принявших решение о прерывании беременности

Н.В. ЛУКЪЯНЧЕНКО

кандидат психологических наук, докторант Сибирского государственного технологического университета

В статье определяется актуальность изучения семейной идентичности женщин в контексте проблемы психологической детерминации решения о прерывании беременности. Излагаются и обсуждаются данные проведенного на базе женской консультации исследования, в котором приняли участие женщины, состоящие в официальном браке и в устойчивом сожителе. Выделяются общие и специфические особенности структурного, эмоционально-оценочного и когнитивного аспектов их семейной идентичности.

Ключевые слова: решение о прерывании беременности, официальный брак, устойчивое сожителе, семейная идентичность, структурный, эмоционально-оценочный и когнитивный аспекты семейной идентичности.

Введение

Регулирование рождаемости в наши дни является объектом внимания государства и общественности. Оно включает в себя не только широкий спектр вопросов материальной поддержки, стимулирования мотивации деторождения, охраны здоровья матери и ребёнка. В современном обществе необходимым условием индивидуальной свободы выбора жизненного пути женщины полагается возможность ограничения естественного потенциала деторождения.

Аналитики указывают, что на протяжении нескольких десятилетий проблема регулирования рождаемости в России решалась в условиях ограниченного использования современных методов контрацепции и широкой доступности искусственных абортов. В результате сложившаяся национальная модель планирования семьи включает в качестве

существенного компонента применение искусственного прерывания беременности как метода регулирования рождаемости [8].

В 2011 году согласно официальным данным проведено 989 375 абортов. Однако по экспертным оценкам реальное их число в 5–8 раз больше и достигает 5–8 млн. в год (см.: [3]).

Вопрос о праве женщины на прерывание беременности давно потерял в нашей стране свою дискуссионность. Вместе с тем трудно не согласиться, что реализация этого права сопряжена далеко не с торжеством ощущения свободы, а с рисками травматизации разного уровня: физической, психологической, духовной. Зачастую травматизация приобретает характер невозвратимой потери. В первую очередь, это касается самих женщин. Но если расширить ракурс рассмотрения проблемы, можно констатировать последствия искусственных пре-

рываний беременности и в более широком плане. Так, например, психологи системного направления в семейной психологии включают аборт в фактологию истории семьи и рассматривают их значение для всей семейной системы. Соответствующая аналитическая практика показывает, что последствия таких ситуаций сказываются на системе отношений семейного мобилия текущего поколения и реализуются в эмоциональных проекциях в отношениях представителей последующих поколений. Значение этого влияния несёт на себе семантику жертвенности и вины [4]. В масштабах общества широкое распространение абортов рассматривается как существенный фактор, осложняющий решение демографических проблем [3].

В настоящее время проблематика прерывания беременности всё в большей степени фокусируется на его психологических аспектах. Показатель этого — медицинские учреждения привлекают практических психологов для помощи женщинам, взявшим на себя ответственность пресечь естественный процесс развития новой жизни. Активизируются психологические исследования как последствий искусственного прерывания беременности, так и факторов, к нему приводящих [14]. В данном контексте, например, рассматривается, какие материальные и социальные обстоятельства влияют на принятие женщиной такого решения, насколько велика роль внешнего давления, и т. п.

Вместе с тем вполне обоснованно звучит идея, что понимание мотивов, которыми руководствуются женщины, разработка адекватных пропедевтических и помогающих технологий требуют изучения их как субъектов собственного виде-

ния семейной ситуации и себя в ней [1]. С психологической точки зрения вопрос о прерывании беременности недостаточно анализировать как локальный изолированный сюжет в череде перипетий женской жизни. Этот, на первый взгляд, «обыденный сюжет» — часть целостного способа женского и человеческого самосо осуществления, включённый в функционирование семьи в целом. Поэтому, на наш взгляд, правомерно вопрос о психологических аспектах прерывания беременности рассматривать в контексте проблематики семейной идентичности женщин [5; 10].

Говоря о том, что вопросы деторождения напрямую связаны с вопросами семейного жизнеустройства, следует также учитывать, что форма этого семейного жизнеустройства перестала ограничиваться рамками официального брака. Исследователи фиксируют, что в российском обществе увеличивается число мужчин и женщин, никогда не вступавших в брак, снижается рождаемость, растёт число разводов, широко распространены сексуальные контакты вне семьи [2]. Отмечается значительный рост числа семей, существующих вне официального брака. Так, по официальным данным, в 2003 году в России доля незарегистрированных браков составляла 16,7%. Большая их часть приходится на возрастные периоды, традиционно рассматриваемые как оптимальные для деторождения. Брак без официальной регистрации отношений предпочли более трети молодых людей в возрасте до 25 лет и примерно пятая часть людей в возрасте 26—35 лет (см.: [9]).

В соответствии с вышесказанным мы провели исследование семейной идентичности принявших решение о преры-

вании беременности женщин, состоящих в официальном и незарегистрированном («сожитительство») браке, длительность которого у наших респонденток составляет не менее одного года.

Семейная идентичность понимается нами как субъективный образ принадлежности к семейной группе, отражающий характеристики группы и своего функционирования в ней в структурном, эмоционально-оценочном и когнитивном аспектах. Являясь особой формой личностно-групповой идентичности, она обеспечивает механизмы регуляции позиционирования и самопроявления индивидов в качестве членов семьи [5].

Программа эмпирического исследования

Гипотеза исследования определялась нами в трёх составляющих.

1) Опираясь на выявленные в социально-психологических исследованиях идентичности закономерности [6; 12 и др.], мы предположили, что включённые в семейную идентичность образ семьи и образ себя как члена семьи у женщин, принявших решение о прерывании беременности, имеют положительный характер.

2) Вместе с тем целью исследования являлось выявление не только общеоценочного характера семейной идентичности, но и её качественных характеристик. Мы предположили, что можно выделить общие для женщин, принявших решение о прерывании беременности, характеристики семейной идентичности, в своей внутренней логике обеспечивающие её положительный характер и одновременно создающие основу субъективной возможности и обоснованности такого решения.

3) Поскольку семьи, основанные на официально зарегистрированных брачных отношениях, и семьи, основой которых является не зарегистрированное долговременное сожитительство, являются разными с социально-психологической точки зрения группами, мы предположили, что семейная идентичность женщин из этих разных типов семейных союзов наряду с общими будет иметь специфические для каждого типа характеристики семейной идентичности.

В исследовании приняли участие 20 женщин, проходящих в женской консультации обследование, связанное с решением о прерывании беременности: 10 женщин, состоящих в официальном браке, и 10 женщин, состоящих в устойчивом сожительстве. Все участницы исследования уже имели одного или больше детей, возраст респонденток 25–40 лет.

Составляющие семейной идентичности выявлялись посредством следующего диагностического комплекса.

1) Структурный аспект семейной идентичности: проективная рисуночная методика «Семейная социограмма» в описании Э.Г. Эйдемиллера и И.М. Никольской [13] (для выявления особенностей субъективных образов семейной структуры в реальном и идеальном вариантах);

2) эмоционально-оценочный аспект семейной идентичности: «Цветовой тест отношений» (ЦТО) А.М. Эткинда [7] (для выявления уровня эмоциональной значимости семейных объектов);

3) когнитивный аспект семейной идентичности: «Репертуарные решетки» Дж. Келли [11] (для выявления содержания смысловых категорий, используемых при характеристике семьи и себя как члена семьи).

Все перечисленные методики — идеографические. В отличие от узко селективной диагностической избирательности стандартизованных методик данный тип инструментария даёт возможность получить психодиагностический материал, объёмный по многоаспектности и глубине проникновения в сущность психологического феномена. Вместе с тем эти методики позволяют фиксировать определённые характеристики, выделять специфичные для обследуемой группы тенденции и включать полученные данные в математическую обработку. Идеографический характер методик, с одной стороны, делает затруднительным массовое обследование, с другой стороны, в определенной мере компенсирует небольшой объём выборки.

Результаты и их обсуждение

Структурный аспект семейной идентичности

В символическом изображении реальной семьи («Семейная социограмма») почти все респондентки определили её состав как нуклеарный, то есть двухпоколенный, включающий супругов и детей. Только две респондентки (одна — состоящая в официальном браке, и одна, состоящая в устойчивом сожительстве), определили состав семьи как расширенный, включающий множество родственников. Общее для всех респонденток обеих групп — дистанция межличностных отношений между членами семьи, в их восприятии характеризуется как отдалённая. Другая характеристика, проявившаяся в рисунках респонденток обеих групп, — достаточно высокая социальная значимость как семьи, так и её членов.

Рисунки принявших решение о прерывании беременности женщин, состоящих в устойчивом сожительстве, имеют ярко выраженную особенность, специфическую именно для этой группы женщин и ранее не встречаемую в других проведённых нами исследованиях семейной идентичности. Эта особенность состоит в практическом отсутствии границ семьи. Определилось два варианта: либо члены семьи изображены за пределами круга, обозначающего семейные границы, либо этот круг обозначает ребёнка, а супруги (каждый по отдельности) к нему пририсовываются на значительном отдалении друг от друга. Во всех социограммах таких женщин ребёнок фигурирует как самый значимый член семьи и своего рода её интегратор.

Идеальный образ семьи у женщин, состоящих в официальном браке, мало чем отличается от реального. Это свидетельствует, что респондентки не видят возможностей изменения характеристик своего семейного жизнеустройства, ориентированы на граничащую с ригидностью стабильность семейной ситуации.

Идеальный образ семьи у женщин, состоящих в устойчивом сожительстве, также не отличается от реального ни по составу, ни по дистанции в отношениях между членами семьи. Женщины, определяющие ребёнка как центрального персонажа всех семейных отношений, практически не изменили и структурную конфигурацию семьи. Определившие же место членов семьи за пределами её границ в реальном образе в идеальном варианте включили их в пространство внутрисемейных границ.

Таким образом, данные методики «Семейная социограмма» позволяют говорить, что принявшие решение о преры-

вании беременности участницы исследования имеют ригидный образ семьи, практически не представляют возможностей изменения основных характеристик семейных отношений. Женщины, состоящие в устойчивом сожителстве, лучший вариант семейных отношений усматривают только в определении семейных границ, что, по всей вероятности, связывается ими с официальной регистрацией брака, без изменения существенных характеристик самих отношений.

Эмоционально-оценочный аспект семейной идентичности

Методика ЦТО позволяет определить эмоциональную значимость оцениваемого объекта, которая может быть отнесена к одному из четырёх уровней: желаемый, актуальный, незначимый, отвергаемый. При анализе рассматривалась значимость для участниц исследования членов семьи, включая саму респондентку. Соответствующие данные отражены в табл. 1 и 2.

Как видим из табл. 1 и 2, в обеих группах собственная эмоциональная значимость для участниц исследования высока, соответствует в большинстве случаев самому благоприятному уровню «желаемый», что свидетельствует о привилегиро-

ванности собственной персоны в пространстве субъективных эмоциональных оценок. Такая оценка не является чем-то необычным. Это нормативный, характерный для множества респондентов разных выборок в проведённых нами исследованиях вариант эмоциональной «самозначимости». Но в оценках значимости супруга представительницы двух анализируемых групп существенным образом расходятся. У большей части женщин, состоящих в официальном браке, оценки мужей относятся к благоприятным уровням значимости («желаемый» и «актуальный»), а в группе респонденток, состоящих в устойчивом сожителстве, сложилась противоположная картина. Здесь оценки в большей своей части соответствуют неблагоприятным уровням значимости («незначимый» и «отвергаемый»). Вместе с тем женщины этой группы чаще дают оценки высокой эмоциональной значимости для ребёнка, чем женщины из семей с официальными брачными отношениями.

По показателям методики ЦТО была также проведена процедура выявления достоверных различий с использованием *U*-критерия Манна-Уитни, которая подтвердила вышеописанные различительные тенденции. Были выявлены достоверные различия: в сравнении с женщи-

Таблица 1

Распределение состоящих в официальном браке женщин по эмоциональной значимости для них членов семьи, %

Члены семьи	Уровни эмоциональной значимости			
	желаемый	актуальный	незначимый	отвергаемый
Я	80	10	10	0
Супруг	50	20	20	10
Ребёнок	30	40	20	10

Таблица 2

Распределение состоящих в незарегистрированном браке женщин по эмоциональной значимости для них членов семьи, %

Члены семьи	Уровни эмоциональной значимости			
	желаемый	актуальный	незначимый	отвергаемый
Я	80	10	10	0
Супруг	10	20	50	20
Ребёнок	60	20	10	10

нами, состоящими в незарегистрированном браке, у женщин, состоящих в официальном браке, выше оценки эмоциональной значимости супруга ($p \leq 0,05$) и ниже эмоциональная значимость имеющегося в семье ребёнка ($p \leq 0,05$).

Когнитивный аспект семейной идентичности

Для выявления особенностей когнитивного аспекта семейной идентичности использовалась методика «Репертуарные

решётки». Респонденткам предлагалось два варианта: один — для оценки собственной семьи в соотношении с другими семейными и несемейными группами, а также с образом идеальной и типичной семьи, в другом — для оценки себя в соотношении с другими членами семьи, а также с идеальным и типичным образом женщины в семье. Процентное соотношение конструкторов, которые использовали респондентки в данных диагностических процедурах, представлено в табл. 3.

Таблица 3

Частота использования разных конструкторов при оценке семьи и себя как члена семьи, %

Характеристики конструкторов	Конструкторы	Частота использования конструкторов респондентками			
		Оценка в официальном браке		Оценка в устойчивом сожительстве	
		семьи	себя	семьи	себя
Семейно-структурные	Наличие семьи, принадлежность к семье	3	9	4	14
	Полнота и ролевой состав семьи	6	9	6	5
	Иерархия	2	1	1	6
Отношений	Когнитивные (взаимопонимание)	5	2	2	1
	Эмоциональные (любовь)	14	11	5	13
	Поведенческие (забота)	2	14	5	8
	Коммуникативные (открытость)	8	12	9	8
	Сплочённость	33	-	11	-
Эмоционального состояния	Позитивность	12	4	8	8
	Уравновешенность	0	4	1	0
Социальные (социальный статус)	Социальное превосходство	8	8	2	3
	Социальная нормативность	4	3	22	12
Инструментальные (эффективность в разных видах деятельности)	Инструментальное превосходство	1	5	2	0
	Инструментальная нормативность	1	6	7	7
	воля	0	1	1	3
Морально-нравственные	Ответственность	0	6	0	8
	Доброта	1	9	4	4

Полученные данные рассматривались в трех аспектах: анализ частотности использования конструкторов в сравнительной характеристике семьи; анализ частотности использования конструкторов в характеристике себя, анализ соотношения частотности использования определённых конструкторов в характеристике семьи и себя.

Как видно из табл. 3, важное место в характеристиках семьи занимает конструктор, положительный полюс которого формулируется как «сплочённость». В группе респонденток, состоящих в официальном браке, данный конструктор самый используемый. Это может означать, что семья воспринимается ими как группа, достаточно интегрированная с выраженными центростремительными силами, объединяющими её членов. Часто, проводя оценивание своей семьи, респондентки давали ей положительные характеристики эмоционального плана: представленность в отношениях любовного компонента и позитивность эмоционального настроения. В оценивании семьи значимое место также занимало соотношение с социальной нормой, т. е. как семья выглядит в сравнении с неким общим уровнем. Женщины, состоящие в официальном браке, давали характеристики, свидетельствующие, что их семья превосходит большинство других, является лучшей. Такое оценивание не является чем-то необычным, так как соответствует общим закономерностям, установленным в социальной психологии для разного рода групповых идентичностей [6; 12].

Женщинам, состоящим в устойчивом сожительстве, давать такие высокие оценки «социальному лицу» своей семьи сложнее. Поэтому их стремление выстроить положительную групповую идентичность выразилось в том, что они характеризовали свои

семьи как соответствующие обычной жизненной норме («не хуже других», «нормальная»). Этот аспект оценки семьи для них оказался самым важным, о чём свидетельствует частота его использования. Существенным в оценке собственной семьи для них оказалось и соответствие нормативной эффективности в деятельности.

Представительницы обеих групп довольно часто давали своим семьям такую оценку, как коммуникативная открытость, общительность.

На основе вышесказанного можно оформить обобщённые портретные образы семьи в трактовке респонденток двух групп. Для женщин, состоящих в официальном браке, их семьи представляются как сплочённые, наполненные любовью, общением и позитивными эмоциями, имеющие весьма положительное социальное лицо. Для женщин, состоящих в устойчивом сожительстве, самое важное в портрете семьи — то, что она не хуже других, «нормальная», при этом ей могут быть присущи и такие важные качества, как сплочённость и открытость общения.

При анализе совокупности конструкторов, которые женщины использовали при оценке себя, обращает внимание то, что респондентки обеих групп применяли здесь характеристику «ответственность», совершенно отсутствовавшую в характеристиках семьи. Часто оценка себя формулируется в определителях заботы, причём чаще, чем при оценке семьи, а в случае официального брака — контрастно чаще. В группе женщин, состоящих в официальном браке, это самая часто употребляемая в отношении себя характеристика, в то время как при оценке семьи она задействована в минимальной степени. Тот же контраст находим в частоте использования респондентками данной группы таких качеств,

как доброта и эффективность деятельности. В характеристиках подчёркивается «умелость» разного рода, в то время как семья с точки зрения эффективности деятельности не характеризуется. Женщины этой группы также часто приписывают себе такое качество, как общительность. Интересно, что «любовь», хотя и используется ими при характеристике себя, но реже, чем в характеристиках семьи.

Если собрать на основании описанных данных «автопортрет» женщин, состоящих в официальном браке и при этом принявших решение о прерывании беременности, получим образ члена семьи, отличающегося ответственностью, добротой и открытостью в общении, несущего на себе функцию заботы, которая реализуется, по-видимому, в компетентном осуществлении необходимых действий.

В группе же женщин, состоящих в устойчивом сожительстве, присутствие в оценке себя характеристики «любовь» оказывается одним из самых часто употребляемых и контрастно более частым, чем в характеристике семьи. Две другие часто используемые характеристики — принадлежность к семье и социальная нормативность. Характеристика ответственности приписывается себе и никогда — семье. Себе приписываются характеристики эмоциональной позитивности, общительности и заботы. И довольно часто себя женщины данной группы характеризуют в контексте семейной иерархии, подчёркивая свое подчиненное положение в ней.

Обобщённый «автопортрет» респонденток, состоящих в устойчивом сожительстве, представляет собой образ женщины, соответствующей стандартам общества, ответственной, заботливой и открытой для общения, вкладывающей в семейные отношения свою любовь и при

этом занимающей скромную позицию в вертикали доминирования-подчинения.

При определённых различиях в характеристиках себя женщин из двух анализируемых групп можно говорить об объединяющем их аспекте. Как те так и другие видят себя «положительными» членами семьи с направленностью на поддержание и даже обеспечение качества семейных отношений. В оценке себя отсутствуют какие-либо упоминания о стремлении удовлетворить свои потребности, о хотя бы минимальном гедонизме, самореализации, собственной самостоятельной позиции, противостоянии или негативизме.

Заключение

Результаты исследования показали, что семейная идентичность женщин, принявших решение о прерывании беременности, имеет как общие, так и специфичные для женщин, состоящих в официальном браке, и женщин, состоящих в устойчивом сожительстве, особенности.

Общим является ограничение структуры семьи нуклеарным составом, восприятие межличностных отношений членов семьи как несколько дистанцированных, ригидность образа семьи, отсутствие представления о возможности изменения отношений. При этом подчёркиваются положительность образа семьи с точки зрения социальной нормы.

Собственная эмоциональная значимость для самой себя в подавляющем большинстве случаев — высокая. Себя характеризуют как ответственных членов семьи с направленностью на поддержание качества отношений.

Отличительными особенностями являются следующие.

В группе женщин, состоящих в официальном браке, выше эмоциональная значимость супруга, в группе женщин, состоящих в устойчивом сожительстве, выше значимость имеющегося в семье ребёнка. Ведущими характеристиками в образе семьи у женщин, состоящих в официальном браке, являются сплочённость и эмоциональный аспект отношений, в то время как для женщин, состоящих в устойчивом сожительстве, ведущая характеристика — соответствие среднестатистической социальной норме.

Женщины, состоящие в устойчивом сожительстве, в большей мере характе-

ризуют себя с точки зрения чувственного насыщения отношений (любовь) и встроенности в вертикаль подчинения в семейной иерархии.

Данное исследование можно рассматривать как требующее дальнейших уточнений на более обширной выборке. Вместе с тем, его результаты позволяют говорить о продуктивности исследования семейной идентичности женщин, принявших решение о прерывании беременности, как в теоретическом, так и практическом аспектах (имея в виду перспективы разработки психологических технологий оптимизации жизнедеятельности современных семей).

ЛИТЕРАТУРА

1. Адушкина К.В. Семейное самосознание женщины как индивидуальная психологическая реальность // Сборник тезисов 5-й международной научной конференции «Психология и жизнь: психологические проблемы современной семьи». Минск, 2011.
2. Василевский Ю.Л. Изменились ли ценности россиян в результате кризиса? // Журнал прикладной психологии. 2000. № 1.
3. Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года (общественный проект): в 3-х частях / Сост. Е.Б. Мизулина и др. Ч. 1. М., 2013.
4. Лукьянченко Н.В. Некоторые аспекты семейного сценарного программирования: из опыта работы // Журнал практической психологии и психоанализа. 2012. № 1 URL: <http://psyjournal.ru>
5. Лукьянченко Н.В. Социально-психологическая сущность семейной идентичности // Мир человека: Научно-информационное издание. Красноярск, 2010. Вып. 1 (34).
6. Павленко В.Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии // Вопросы психологии. 2000. № 1.
7. Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы. М., 1988.
8. Пултавская В. Влияние прерывания беременности на психику женщины. М., 2002.
9. Рощина Я.М., Рощина С.Ю. Брачный рынок в России: выбор партнёра и факторы успеха. Препринт WP4/2006/04/ М., 2006.
10. Филиппова Ю.В. Семейная идентичность и трансформация семейных ценностей в современной России // Трансформация идентификационных структур в современной России. М., 2001.
11. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М., 1987.
12. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М., 2000.
13. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. СПб., 2003.
14. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб., 2008.

Family Identity in Women Who Decided to Terminate Their Pregnancy

N.V. LUKYANCHENKO

PhD in Psychology, doctoral candidate at the Siberian State Technological University

The paper addresses the importance of studying family identity in women within the context of psychological determinations of their decisions concerning pregnancy termination. It provides and discusses the outcomes of a research carried out in women's health clinics, in which the participants were married women and women living with their long-term partners. The paper describes general and specific features of the structural, emotional/evaluative and cognitive aspects of the women's family identities.

Keywords: pregnancy termination decision-making; civil marriage; long-term partnership; family identity; emotional/evaluative and cognitive aspects of family identity.

REFERENCES

1. Adushkina K.V. Semejnoe samosoznanie zhenshhiny kak individual'naja psihologicheskaja real'nost' // Sbornik tezisov 5-j mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Psihologija i zhizn': psihologicheskie problemy sovremennoj sem'i". Minsk, 2011.
2. Vasilevskij Ju.L. Izmenilis' li cennosti rossijan v rezul'tate krizisa? // Zhurnal prikladnoj psihologii. 2000. № 1.
3. Koncepcija gosudarstvennoj semejnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda (obshhestvennyj proekt): v 3-h chastjah / Sost. E.B. Mizulina i dr. Ch. 1. M., 2013.
4. Luk'janchenko N.V. Nekotorye aspekty semejnogo scenarnogo programirovanija: iz opyta raboty // Zhurnal prakticheskoj psihologii i psihoanaliza. 2012. № 1 URL: <http://psyjournal.ru>
5. Luk'janchenko N.V. Social'no-psihologicheskaja sushhnost' semejnoj identichnosti // Mir cheloveka: Nauchno-informacionnoe izdanie. Krasnojarsk, 2010. Vyp. 1 (34).
6. Pavlenko V.N. Predstavlenija o sootnoshenii social'noj i lichnostnoj identichnosti v sovremennoj zapadnoj psihologii // Voprosy psihologii. 2000. № 1.
7. Praktikum po psihodiagnostike. Psihodiagnosticheskie materialy. M., 1988.
8. Pultavskaja V. Vlijanie preryvanija beremennosti na psihiku zhenshhiny. M., 2002.
9. Roshhina Ja.M., Roshhin S.Ju. Brachnyj rynek v Rossii: vybor partnjora i faktory uspeha. Preprint WP4/2006/04/ M., 2006.
10. Filippova Ju.V. Semejnaja identichnost' i transformacija semejnyh cennostej v sovremennoj Rossii // Transformacija identifikacionnyh struktur v sovremennoj Rossii. M., 2001.
11. Fransella F., Bannister D. Novyj metod issledovanija lichnosti. M., 1987.
12. Shihirev P.N. Sovremennaja social'naja psihologija. M., 2000.
13. Jejdemiller Je.G., Dobrjakov I.V., Nikol'skaja I.M. Semejnyj diaznos i semejnaja psihoterapija. SPb., 2003.
14. Jejdemiller Je.G., Justickis V. Psihologija i psihoterapija sem'i. Spb., 2008.